

УДК 80(092)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

Из «Записных книжек»
профессора А.В. Каравашкина
(*Публикация и комментарии А.Л. Юрганова*)

Аннотация. Впервые публикуются фрагменты дневниковых записей профессора РГГУ, доктора филологических наук А.В. Каравашкина (1964–2021). Выдающийся исследователь древнерусской литературы, профессор Каравашкин был личностью разносторонне развитой, по-настоящему масштабным представителем гуманитарной науки, ему были близки разные области познания: филология, лингвистика, история культуры, философия. Дневниковые записи показывают незаурядную личность в своем жизненном времени. Мысли и суждения гуманитария направлены были на самые острые и глубокие вопросы жизни.

Ключевые слова: профессор А.В. Каравашкин, записные книжки, гуманитарная наука, историческая феноменология, древнерусская литература

Для цитирования: Из «Записных книжек» профессора А.В. Каравашкина (Публ. и коммент. А.Л. Юрганова) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 18–30. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

From the “Notebooks”
of professor A.V. Karavashkin
(*Publication and comments by A.L. Yurganov*)

Abstract. It is for the first time ever that the excerpts from the diary of A.V. Karavashkin (1964–2021), Professor, Doctor in Philology, are published. An outstanding researcher of Old Russian literature, Professor Karavashkin was an all rounded man of versatile personality, a truly major representative of the humanities, he was close to different fields of knowledge: philology, linguistics, cultural history, philosophy. Diary entries show an extraordinary personality in his time of life. Thoughts and judgments of the humanist were aimed at the most acute and deepest issues of life.

Keywords: Professor A.V. Karavashkin, notebooks, humanities, historical phenomenology, Old Russian literature.

For citation: “From the ‘Notebooks’ of professor A.V. Karavashkin (Publication and comments by A.L. Yurganov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 18–30, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-18-30

«Записные книжки» – так назвал свои личные записи сам А.В. Каравашкин. Общий объем их невелик – около 40 машинописных страниц. Существуют ли другие записи, хотя бы в черновом виде? Вполне возможно, но они пока не найдены. Точнее сказать, какие-то записи обнаруживаются, но являются ли они частью того, что он считал своими «записными книжками», – неизвестно.

Я давно знал, что Каравашкин нерегулярно вел записи важных событий или размышлений. Кое-что он мне зачитывал по телефону. Я радовался тому, что некоторые факты научных дискуссий с нашим участием были им освещены, однако в дошедшем машинописном варианте я их не обнаружил.

Каравашкин никогда не стал бы вести дневник ежедневности, потому что его увлекала интеллектуальная значимость написанного. Он записывал не только для того, чтобы не забыть. Но прежде всего для того, чтобы обдумать написанное, – так он выстраивал диалог с самим собой. При всей своей доброжелательности в общении с людьми, он не был человеком открытым и коммуникабельным. Его поглощала интенсивная внутренняя жизнь думающего интеллектуала. Он мог часами погружаться в себя, в размышления, и не замечать времени. Однажды он задумался на несколько часов и чуть не забыл, что надо ехать в университет на занятия со студентами...

Думаю, это одна из самых глубоких причин его неприятия современной России, где вместе с авторитарным строем постепенно возник слой «примитивных людей» (как он написал в дневнике), неспособных воспринимать сложную картину мира. Ему были чужды как инфантилизм молодого поколения, так и властная вертикаль, ожидающая покорного исполнителя в лице ни о чем не думающего человека. Расхождения с действительностью были отнюдь не «стилистические», как обычно шутили в советское время, а метафизические. Его угнетала ситуация, когда на протяжении всех нулевых лет, вплоть до последних дней жизни, катастрофически обесценивалась мысль как таковая и параллельно «обнулялось» всякое содержание написанного. Не качество, а количество написанного – безотносительно к содержанию – превращалось в своеобразное крепостное право людей науки, вынужденных бороться за «добавки» к зарплате... Незадолго до смерти он говорил мне, что хочет навсегда отказаться от предлагаемых обстоятельств насилия над личностью и жить свободно.

Его лекции, статьи, книги всегда вызывали серьезный интерес у профессиональной части гуманитарной науки, но он с большим трудом принимал судьбу интеллектуала без общественной востребованности.

В данном выпуске публикуется отобранная мною часть дневниковых записей профессора Каравашкина, дающая представление об авторе, как о мыслящей личности и незаурядном ученом-гуманитарии.

Андрей Каравашкин. Гражданин СССР. Родился в 1964 году в Москве. Окончил институт в 1981 году. Занимался историей и литературоведением. Главный предмет интересов древнерусская культура и методология гуманитарного знания. С 2001 года – доктор филологических наук. Женат. Двое детей. Последнее место работы Российский государственный гуманитарный университет. Большой опыт жизни в эпоху перемен. Современник антропологической революции 1991–2008 гг. Имею собственные взгляды. К партии не принадлежу. Не выработал привычки путать конфессию и веру. Самокритичен. Склонен к рефлексии и сомнениям¹.

<...>

[Об идолопоклонстве]

Эта статья призвана опровергнуть расхожую мысль, которой утешает себя не одно поколение. Мысль эта проста и понятна. Она призвана поощрять нашу самовлюбленность, обычно уступающую место величайшему самоуничтожению. В последнее время принято все чаще говорить о нашей национальной исключительности. Об особой духовности, отличающей жителей России от остальных народов. Потребность в разнообразных формах поощрения национальной гордости стала как никогда сильной.

Страсть величаться, куражиться над другими, презирать того, кто «нечист», близка нашему национальному чувству. Это одна из крайностей, которая оборотной стороной имеет недалекость, нелюбовь к себе, непонимание себя и своих целей. От гордыни до предательства – один шаг.

Поразительным образом у некоторых моих знакомых, православных неопитов, воцерковленная жизнь начиналась не с вдумчивого смирения, но с презрения к неверующим или к тем, кто верит «не так», или к тем, кто дружит «не с теми», не живет стадной жизнью. Только у нас соборность существует как предмет интеллектуальных упражнений, а на практике подменяется партийной дисциплиной или групповыми интересами. Нулевая социальная солидарность и «мерзость запустения» в человеческих отношениях следствие того, что у нас привыкли объединяться только вокруг фетишей, вызывающих сильные эмоции. Эта страсть поклонения неизбывная черта отечественной жизни.

¹ В «Записных книжках» эта часть выделена полужирным шрифтом самим автором.

Обнаружить интенции идолопоклонства в нашей повседневности вроде бы нелегко. Но это на первый взгляд. Современное российское идолопоклонство не имеет отношения к язычеству. О нашем древнем многобожии известно чрезвычайно мало, и эти сведения настолько расплывчаты и скудны, что только некоторым фольклористам кажется, что двоеверие не изжито и остается частью нашей культурной памяти. Идолопоклонство – не в формах религиозности, но – в структуре самосознания, в способности выстраивать приоритеты, в том, что можно было бы назвать распределением моральной ответственности. Идолопоклонство одновременно с этим особая страсть, развившаяся там, где хиреет рефлексия, где пышно расцветает прелесть самовнушения. Без желания быть очарованным нельзя поддаваться ни одному из субъектов суггестии.

Неграмотное по отношению к сложившейся когда-то коммуникативной ситуации словосочетание «культ личности», запущенное вовремя оно цеховскими функционерами, несет в себе более глубокие смыслы, чем кажется на первый взгляд. Культ всезнающего и мудрого отца-руководителя был одним из многих в длинной череде российских культов. У нас гармония исторического бытия вообще не достигается без слепого обожания или доверия, равнозначного полному безразличию к обустройству жизни. Ведь «культ», устанавливаемый идолопоклонниками, и является отданием на откуп, публичным закланием совести, самоотречением, обеспечивающим нравственную, правовую, интеллектуальную и трудовую спячку. «Культ» следствие недостатка энергии и разгула экзистенциальной лени.

Современная борьба за общественное мнение, как и всегда, ведется за право пасти стадо, а не для того, чтобы кому-то было лучше. Самое унижительное для отдельного маленького человека в этой «раскрутке» лидеров и лозунгов состоит в том, что происходит она за счет все большего попиранья каких бы то ни было смыслов и внятных человеческих целей. От правовой вседозволенности общество скатилось к очередному застою. И в этом есть своя логика. Никакого подлинного освобождения в России не произошло. Освободиться от самих себя нельзя. Разве что путем коллективного самоубийства. Но духовные проблемы не решаются с помощью суицида, который равнозначен поражению и признанию собственной несостоятельности.

Поиск национальной идеи обернулся очередным культом, который признан по негласной договоренности. Это культ управленца, допущенного к распределению властных полномочий. Хватательный инстинкт чиновника удовлетворяется в условиях идеологически наиболее благоприятных. Чтобы бюрократы всех мастей могли, наконец, насладиться безнаказанностью, необходим отвле-

кающий маневр. Поэтому апелляция к дремлющим, но всегда готовым проснуться идолопоклонническим интенциям, пришлась как никогда кстати.

Разумеется, все люди моего поколения, кому сейчас хорошо за сорок, прошли через смутные 80–90-е годы. За исключением тех, кто по каким-то причинам были вне родины, все теперешние граждане СССР, успевшие получить паспорт до распада Союза, помнят советское прошлое, и это не абстрактное детское припоминание, а вполне ясное, полноценное ощущение того времени, ощущение, которое иногда не выразишь словами, но которое живет в твоей душе, как живет в каждом имеющем близкие чувства родства, истоков, семейных уз. Хотел бы я вернуться в то время? Искренне скажу. Нет! И дело не только в убогости нашего тогдашнего бытия: бедности, тесных жилищ, скудоумия и серости всегда, во все эпохи хватает. Прежде всего, нас раздражало ощущение внешней несвободы и бесперспективности всей общественной жизни. Мы как будто пришли в тупик. Многие толковали об отсутствии веры, идеалов, целей. Типичным было на кухне говорить одно, а на собрании другое. Двойные стандарты в поведении и во взглядах были различимы невооруженным взглядом. Для этого не надо было напрягать интуицию и тренировать наблюдательность.

Действительность сама перла во все щели. Жизнь вещь упрямая и грубая. Ее не спрячешь под покровом слов. Помню, меня возмущала именно предрешенность выбора: все известно заранее, уже определен не только каждый шаг, но и возможность сделать или не сделать его тоже, будто по какому-то давно спланированному расписанию, где-то значится. И это была регулятивность без цели: часы идут, а зачем, и какой срок они отмеряют, никто не знает. Механизм работал без ресурса, без смысла... Теперь-то я понимаю, какие цели и задачи можно было бы перед собой поставить, как направить эту жизнь.

Особенно болезненно переживалось посягательство на внутренний мир. И здесь каждый, насколько мог, сооружал собственную крепость. Возмущало, что кто-то за нас решил, что Бога нет, что в мире существует одно правильное учение, что нами правит одна партия, что образ мыслей возможен только один, что кто-то устанавливает один свод общественно полезных норм. А презирали мы, как и сейчас, приспособленцев, которые очень неплохо чувствовали себя и в условиях несвободы, и при ограничении прав, и при однопартийности. Никогда не забуду признание моего армейского сослуживца, который в 1987 г. говорил, что хочет стать членом КПСС только для того, чтобы «на гражданке» поехать в Чехословакию и купить там шмотки.

Новый «мейнстрим» определяют два фактора: во-первых, примитивные люди, а во-вторых, неясное ощущение будущего, которое витает в воздухе и которое надо уловить, иногда вопреки привычным стереотипам. Если примитивы и пророки совпадают в одном лице, то им и принадлежат ближайшие десятилетия. Секрет успеха примитивных людей в том, что они мыслят очень пошло и всегда очень конкретно, но к этому ясному сознанию своих целей необходимо приложить программу действия. А чтобы действовать, нужно выбрать наиболее оптимальный путь, а это знание не зависит от привычного образа будущего. Завтра может обрушиться целая общественная система. Видимых признаков катастрофы нет никаких, кроме неуловимого запаха в атмосфере; грани, молекулы этого вещества должен опознать чутливый нос, и надо быть готовым к достижению цели при любых обстоятельствах. Слово «перестройка» многие в СССР восприняли как очередную пятилетку качества и эффективности, как очередной лозунг, брошенный в толпу, состоящую из коллективов, которые на скучных мероприятиях в родном НИИ, или на заводе, или в штабе, или в сельском клубе будут обсуждать неизвестно что и неизвестно для чего (как в русской сказке, пойдя туда, не знаю куда, принести то, не знаю что). И лишь для избранных в этом слове был заключен подлинный смысл перехода к новому качеству, коннотация прощания с прошлым, приглашение к настоящему прорыву из одного состояния души к другому. Но чтобы понять тогда, что за «перестройкой» (небольшой срок, отпущенный наиболее пассионарным индивидуумам, чтобы собраться с силами, психологически сосредоточиться и глотнуть воздуха) последует вовсе не пятилетка, а полет в безвоздушном пространстве, опасный прыжок в неизвестность, нужно было обладать недюжинным умом и чудовищной интуицией.

Большинство граждан СССР были наивны и по-детски беззащитными. Они примеряли к себе какую угодно роль, но только не роль жертвы, хотя память социального эксперимента должна была подняться из глубин неявного сознания. Но этого не произошло. Мне жалко этих людей. Они не были готовы к тому, что им пришлось испытать. И неготовность эта была тотальной, повсеместной и глубинной, коренной. На смену поколению, которое верило, пришло поколение идолопоклонников-формалистов, имевших опасную привычку полагаться на завтрашний день. Неспособность свободно принимать решения была всеобъемлющей, массовой.

Желание найти себе кумира часто выдается за поиск смысла жизни, за стремление к идеалу, за тоску по целеполаганию, недостаточность которых якобы толкает людей в объятия пороков, самоуничтожения и цинизма. Думаю, причины этих привычных для российской действительности эксцессов, обретающих, как всегда,

наиболее крайние формы, в том, что любая разновидность идолопоклонства никогда не уступала у нас элементарному самоуважению, способности ценить ближних, любить себя и других. В глубинах нашего бытия и нашего самоосмысления высокое заменено суррогатом слепого поклонения. Мы и в своем доме, и в церкви, и на партийном собрании, и в науке, и на государственной службе, и в суде, и среди равных, и среди начальствующих – идолопоклонники и рабы, предпочитающие форму, а не дух, плотское, а не горнее. Мы всегда готовы поделить ответственностью со своими кумирами. Мы слишком быстро проживали то, на что другим был отпущен более длительный исторический срок, и научились склонять голову перед силой, каждый раз не пытаюсь понять ее духовных истоков. На крутых виражах истории наши глаза как будто бы открывались после духовной спячки, но потом их снова отягощала болезненная дремота.

Большая труба, патриарх и «Сочи 2014»

Не случайно одним из кумиров путинской России стал спортсмен, но спортсмен особого типа, спортсмен, любящий начальство и близкий к бюрократам, чемпион-бюрократ, представитель одного из самых взяточемких видов состязаний, борьбы за власть.

Нет ничего более нелепого, чем попытка скрестить клобук, нефтегазовую трубу и языческую олимпиаду, соединив их так, чтобы одно немедленно предполагало второе и третье. Но это произошло. Дура-жизнь по-прежнему опережает воображение. Такова современная Россия.

О науке

Как посредник, обладающий особым коммуникативным призыванием, наука связывает потенциальных собеседников, которые в некоторых случаях были бы лишены возможности контакта.

Создавая термины, мы даем имена абстракциям. Термин по самой природе своей не распространяется на единичное, частное, индивидуальное. Он продукт обобщений. Термин сигнализирует о том, что за наблюдаемой реальностью ученый увидел повторяемость, типичность, правило.

Проблема науки не в терминах (они условны и заменяемы), но в том, как далеко распространяется их власть.

Есть особые качества, объединяющие писателей и ученых, способных создавать большие тексты. Это бегуны на длинные дистанции. Здесь необходим баланс между тремя составляющими:

терпением, психологическим настроем, который приходится поддерживать в ровном состоянии на протяжении значительного промежутка времени, и умением видеть целое еще до того, как здание построено. Чем больше работа, тем важнее ее конструкция, продуманная до мелочей. Для меня такие формы всегда были тягостны. Очень чувствительная нервная система. Я не работы боюсь, а тяжелого изматывающего испытания для психики. Даже физически и психологически железный человек выходит из этого состояния опустошенным.

В исторической науке до определенной степени термины неизбежны. Они, как и слова нашего языка, служат там, где разум современного человека нуждается в подпорках. Это костыли мышления. Термины – неуничтожимое зло, та цена, которую приходится платить за роскошь свиданий с прошлым.

Матрица скептицизма и релятивистской трактовки знания глубоко внедрена в современную науку. Разумеется, речь идет не об идеальном объекте, не об отвлеченной науке как таковой со всеми присущими ей конститутивными признаками, но о той науке, которая разворачивается в своем практическом измерении, науке, которая, по словам А.Ф. Лосева, реально творима живыми людьми.

Современный ученый уже не может искать истину. Эпоха, когда наука занималась этим почтенным делом, прошла. Споры идут не о том, кто ближе к истине, но о том, что такое истина.

«Мы сделали все возможное, чтобы нас не понимали» (Юрганов).

Сотрудники сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома очень любят поздравлять себя с юбилеями на страницах «Трудов отдела». Они вообще себя очень любят. Иногда даже не прочь прихвастнуть тем, какие они хорошие христиане, чувствительные, одухотворенные и художественные натуры, живущие в мире со своей совестью и прилежно посещающие храмы. Любопытная бацилла нашей интеллигенции: «Христианская гордость». Болейте на здоровье!

<...>

В науке одной из самых постылых фигур является злобный и несправедливый рецензент. Чаще всего таким людям прямая дорога в кабинет психоаналитика.

В какую пучину архаизации и безрассудства тянут нас ностальгирующие критики! Им не терпится «судить и вязать», отслеживая отщепенцев, шельмуя несогласных. Добро бы только этим дело и ограничивалось. Так ведь еще христианские поучения предлагаются в качестве приправы к этому и без того острому салату. Словно кто-то уполномочил их шарить в закоулках чужой совести, подбирая то, что не позволено обсуждать среди приличных людей.

На этом можно было бы поставить точку. Остается маленький вопрос. А что же вы, господа защитники, не видите, в какую грязь сами попали и тянете других? Если убеждения позволяют так себя вести, то ваше дело. Но христианство здесь при чем? И защита Истины, какое отношение имеет к этой неумеренной «заботе» о ближнем? Можно было бы трезво посмотреть на себя и на свое окружение. Но гордость мешает.

* * *

Выучка и образование видны во всем, особенно в повседневной жизни. Тренировка мозгов полезная вещь.

Чаще всего люди боятся научной рациональности. Она им кажется обременительным излишеством.

Он так много и самозабвенно говорит о себе, что его нетрудно представить пламенным оратором на собственных похоронах.

Живые мертвецы в науке обычная вещь.

Я люблю древнерусскую литературу, но это не является достаточным основанием, чтобы испытывать такие же чувства к Пушкинскому Дому.

Статьи, доклады, конференции, достижения – «гробы поваленные» для не имеющего мыслей.

Ученые, подобно фарисеям, носят одежды гордыни, чтобы их видели люди.

При появлении главного кормчего вся академическая наука синхронно встает и тонет в овалциях. И так с каждой прибавкой к жалованию. Сила маленького Цахеса в том, что он всех может купить.

<...>

Люди избивали пророков и этой враждой разоблачали преступления против своих законов. Истинным обличителем является не пророк, но сам носитель греха. Он подобен скрижалям мерзости. Пророк Софония ярко изобразил положение врагов Израиля, но за контурами этих эсхатологических картин неизменно проступают черты духовного Вавилона (где бы он ни находился). Запустенные символ общего безумства: «И прострет Он руку Свою на север, и уничтожит Асура, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня, и покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее; голос их будет раздаваться в окнах, разрушение обнаружится на дверных столбах, ибо не станет на них кедровой обшивки. Вот в чем будет город торжествующий, город живущий беспечно, говорящий в сердце своем: “Я, и нет иного кроме меня”. Как он стал развалиною, логовищем для зверей! Всякий, проходя мимо него, посвищит и махнет рукой» (Соф. 2, 13–15).

О литературе, литературности и литературных героях

Я всегда чувствовал себя в долгу перед художественной литературой, поскольку больше читал научную.

Пережив долгое увлечение Толстым и Достоевским, с трудом принимал притчу и вообще все формы слова, в которых глубина смысла предельно сжата, лишена изобразительной широты. У Толстого и Достоевского притча тонет в океане художественности. Кафка принципиально отличается умением преподнести притчу как притчу.

Привыкнув к «фикшен», перестанешь ценить слово. Ведь на россыпях драгоценных камней редко удивляешься красоте одного камня.

Художественность чрезмерно эксплуатирует образную сторону языка. Русские классики XIX века, как и живописцы-передвижники, не намекают в большинстве случаев, но дают гигантское полотно, со всеми деталями, со всеми нюансами. Так что для домисливания остается мало места. Это специфический художественный язык, к которому привыкнуть легко, но отойти от которого чрезвычайно трудно. У многих годы уходили, чтобы себя перевоспитать.

Человек устроен таким образом, что тот или иной условный мир, в силу неписаных правил, привычки, он начинает воспринимать как часть природного универсума. Линейную перспективу – как единственно возможный принцип организации пространства. Психологическую беллетристику и реалистические характеры – как подлинно художественный способ отображения обстоятельств. Малейшее отступление от этого закона вызывает шок, который сродни ужасу, испытанному парижской публикой 19 века, когда на лужайке художник изобразил одетых в костюмы мужчин при сорочках и галстуках, а рядом полностью обнаженную молодую женщину. Это сочли оскорблением общественного вкуса. Но в подобных отклонениях от фона и заключается существо приема и вообще всего нетривиального. Стоит броситься на сцену, чтобы спасти Дездемону от рук Отелло, как условность театра обнаружится и рухнет вся конвенция сцены. Что и эксплуатирует новейшая режиссура последних ста лет, которая борется с магией театра. Нарушение конвенции один из источников новой жизни.

Как только я погрузился в мир древнерусской литературы, прекратился мой долгий «роман» с русской классикой XIX века. Так нередко иконы отучают от новоевропейской живописи. После византийских и древнерусских мастеров невозможно переключиться на каких-нибудь голландцев и фламандцев XVII столетия с горами сырого мяса, анатомированными трупами, сиськами менад и ляжками фавнов, фактурной морщинистой кожей стариков,

иллюзионизмом формы, цветов, материалов. Пропасть эту перепрыгнуть невозможно.

Искусству все-таки лучше намекать, а не удивлять, приоткрывать завесу, а не оглушать буйством созревших образов и сюжетов. Вот почему больше люблю импрессионистов, чем реалистов.

Современная индустрия развлечений породила особую продукцию, книгу – туалетную бумагу. Конечно, и в советское время много было макулатуры на страницах «Роман-газеты», но все-таки стратегия чтения определялась не уровнем авторов, а воспитанием читателя. Даже к заведомо плохим вещам подходили с критериями очень высокими. Сейчас на смену этому отношению пришло безразличие. Полки магазинов уравнивали философскую классику, Шекспира и детективы, которые читают в метро.

С художественной литературой произошло что-то неладное. Она ушла куда-то на периферию. Сейчас быть читателем собственно художественной вещи даже немодно. Только китайцы, открывающие для себя европейскую культуру, с таким вниманием относятся к современной беллетристической продукции. Им интересны, например, имена современных российских писателей. Центр тяжести переместился в сферу гуманитарно-философской рефлексии. Здесь сейчас говорится больше важного, чем на страницах романов.

Советские люди были последними читателями русской классики. С этой аудиторией умер литературоцентризм. Критик сейчас вообще ничего не значит. Скоро мы забудем это слово. А когда-то критика заменяла в России и общественное мнение, и философию, и гуманитарную науку, и гражданский суд.

Набоков очень странный писатель. Меня не оставляет ощущение, когда читаю его вещи, что он не реализовал себя как поэт. Неважно, что он писал, стихи или прозу. Важно лишь, что в его словотворчестве есть большое желание поднять планку до уровня больших обобщений. Это ему удается редко. Он накапливал образы и словесные обороты, накапливал энергию. Но куда она уходила? Его погубила, видимо, страсть к комментированию. Он был убежден в том, что великая литература не самодостаточна без комментария, и создавал произведения, похожие на материал для дешифровки. Вот уж поистине литература «не для всех»!

Набоков это и есть литературность в чистом виде. Его вещи сродни самопрезентации. Это не одежды высокой классики, а бабочка шеголя.

Если рядом с Кремлем построить супермаркеты в псевдовизантийском стиле, то Кремль станет нереальным, чем-то вроде Диснейленда. Так происходит и с некоторыми памятниками литературы. Рядом нагородили целые вавилоны сомнительных ком-

ментариев, и памятник воспринимается в одном пространстве с подсветкой этих виртуальных ансамблей. Самый яркий пример «Слово о полку Игореве».

Москва

Вчера увидел, как разрушают Хамовнические казармы, памятник архитектуры, на который раньше никто не покушался. Москва превращается в искусанный пирог.

Манежная площадь интересный феномен. Здания разрушают, а затем на их месте возводят копии разрушенных, но с новой начинкой. Евроремонт стал признаком нашего времени.

Невозможно объяснить человеку с мозгами австралопитека, что старая коммуналка может быть примечательна не только своими тараканами. Это касается и всех градостроительных планов. Впрочем, планами это не назовешь. Типичным стало бесконтрольное варварство.

За ближайшим поворотом

Смерть – это естественная и органичная часть нашей жизни. В закономерном переходе к новым формам существования нет ничего ужасного. Главное, чтобы смерть не становилась смыслом жизни, а распад и разложение предметом восторга.

Помню старый комиссионный магазин на Фрунзенской набережной. Он еще при Брежневе был наполнен самой невероятной старинной мебелью и досоветскими редкостями (только икон, по-моему, не было), в просторном по тем временам помещении были расставлены зеркала, трюмо, какие-то невероятные буфеты и шкафы, письменные столы размером с крейсер и консоли с невиданной инкрустацией. В детстве я всегда рассказывал о посещении этого магазина, как о походе в музей. К этой старине, продававшейся уже тогда по астрономическим ценам, дедушка мой относился с нескрываемым презрением, как к недостойным предметам мещанского быта, прибежищу старорежимных клопов.

Комиссионный остался на прежнем месте, но называется теперь «Антиквариат». Теперь это самый старый магазин на Фрунзенской набережной. Он не только пережил Брежнева и Андропова, но успел стать свидетелем других «царствований», которые благополучно закончились. Многая лета тебе, комиссионный магазин!

Академик Тарле, кажется, после долгого перерыва вернулся в Париж, пришел в архив, где много лет регулярно работал, сел за свой стол, выдвинул ящик и нашел свой карандаш. По-другому в России! Не то что карандаша, а родного места через год-два не найдешь.

Про могилы забывают так же быстро, как и про людей. Только в Москве безвозвратно утрачены могилы историка В.Н. Татищева и философа Н.Ф. Федорова, который так много писал о воскрешении предков и создал культ Музея как проекта памяти.

Современный клир не отстает от варваров прошлого. В Самаре археологи помогают батюшкам освободить под новые монастырские постройки дореволюционный некрополь. Под видом раскопок вскрывают могилы и склепы, буквально за ноги вытаскивают из мест упокоения чиновников в еще не истлевших мундирах, в начищенной обуви и в наглаженных брюках. Если это археология, то я испанский летчик. Но, к сожалению, на местах это трупопопательство воспринимают как разновидность краеведения. Данные достоверны. Получены от самих «археологов».

Величайший миф античности посвящен Эдипу. В этом рассказе удивляет его глубокий философский и жизненный смысл, словно он обращен не в прошлое, а в будущее. Человек, отгадавший загадку Сфинкса и легко исполнивший одно из предназначений богов (Фивы избавлены от чудовища, которое послушно бросается в пучину), не знает своей ближайшей судьбы, нелепицы и трагедии своего завтрашнего дня. Лик Сфинкса смотрит на нас из будущего. Мы не ведаем, кто услышит нас, как поймет, как истолкует, что мы на самом деле совершаем, для чего живем. Мы говорим для тех, кого не знаем, о ком не имеем ни малейшего представления, кто вообще находится вне горизонтов нашего воображения. В этом и горькая насмешка, и сладкое утешение, поскольку даже в безнадежности «Сейчас» можно сохранять надежду «Завтра».

Из Кальдерона

(поэтический перевод А.В. Каравашкина. – А. Ю.)

Веселье юности, цветы зари любовной
Недолго восхищали свежей силой.
Ночь открывает черный зев могилы:
Начало смерти в радости греховной.

Торжественным обманчивым покровом
Окутана лукавая природа.
И гибнет все в круговращенье года,
В зиме и в омертвлении суровом.

Как прихотливы нежные цветы!
Лишь распускаются и тут же увядают.
Склеп-колыбель в бутоне красоты.
Как эти розы, люди умирают
В плену страстей и рабской суеты.
Минутами столетья убегают.